

ИЗ РУКОПИСИ ВОСПОМИНАНИЙ ХУДОЖНИКА П. Ф. ВИМПФЕНА О ТОЛСТОМ

Публикация Л. Н. Кузиной

Публикуемые воспоминания представляют собой единую рукопись (автограф) художника П. Ф. Вимпфена (1865—1938), относящуюся к 1936 г. и озаглавленную «Лев Толстой в моих воспоминаниях. Период 1840—1880—1909 гг.». По содержанию она делится на две самостоятельные части. Первую составляют записки Марии Степановны Воейковой (рожд. Стромилловой, ум. в 1904 г.) — бабушки художника, которые он, по его словам, «целиком как были» включил в текст своих мемуаров. Вторая часть содержит воспоминания самого Вимпфена.

Учитывая эту особенность, мы сочли целесообразным печатать рукопись Вимпфена в виде двух самостоятельных публикаций.

Записки М. С. Воейковой, воспроизведенные Вимпфеном, относятся к раннему периоду жизни Толстого. «Л. Н. Толстой, — пишет Вимпфен, — через Голицыных был с нами в родстве, а мой прадед Воейков состоял опекуном Л. Н. <...> Молодым человеком наш великий писатель <...> бывал у нее <М. С. Воейковой> вместе с Юшковой и Ергольской (тетки Л. Н. Толстого)».

Воспоминания Воейковой представляют собой несколько разрозненных, не связанных между собой эпизодов. Возможно, что они были извлечены мемуаристкой из материалов «Семейной хроники», которую она вела в течение многих лет. Отдельные главы этой хроники находятся в настоящее время в ЦГАЛИ, (ф. Л. С. Бороздны, № 707 оп. 1, ед. хр. 24—25), но в этих главах отсутствуют упоминания о Толстом. Автограф воспоминаний Воейковой, которым располагал Вимпфен, не дошел до нас.

Записки Воейковой — наиболее ценный раздел публикуемой рукописи. Они рассказывают о молодых годах жизни Толстого, мало освещенных в мемуарной литературе.

Особенно интересны приведенные Воейковой суждения Толстого о крестьянской реформе и студенческом движении. Развернутых высказываний Толстого об этих крупнейших общественных и политических событиях начала 60-х годов не сохранилось, и об его оценке их можно судить лишь по отдельным, часто кратким замечаниям. Факты, сообщенные Воейковой, дают в этом отношении нечто новое.

По своему основному тону мнения Толстого, записанные Воейковой, не расходятся с тем, что было им высказано в письмах, например в письме к Герцену (март 1861 г.) о реформе или к С. А. Рачинскому (август 1862 г.) «о славной молодежи» и «студенческой истории».

В противовес встречающимся в литературе утверждениям, мемуары Воейковой убеждают, что в начале 60-х годов Толстой не был «чужд политики». Нельзя оставаться молчаливым свидетелем произвола самодержавия: «не молчать, а кричать нужно» — цитирует Воейкова слова Толстого, сказанные им по поводу избиения студентов в Москве в октябре 1861 г.

Записки содержат также некоторые неизвестные до сих пор сведения из биографии Толстого (знакомство его с молодым П. А. Кропоткиным, с художником Г. Г. Гагаринным и др.).

Воспоминания Воейковой публикуются полностью. Мы освободили их лишь о вводных фраз, добавленных Вимпфеном, как например: «по словам моей бабушки» «вот что пишет М. С. Воейкова» и т. п. Сняты также названия, которые он дал главам воспоминаний Воейковой.

Вимпфен датирует записки Воейковой 1840—1860 гг., но основные из сообщаемых им фактов относятся к началу 60-х гг.

* * *

Воспоминания самого П. Ф. Вимпфена, составляющие, как указано выше, второй раздел его рукописи, посвящены встречам художника с Толстым, которые происходили с перерывами в 80—90 и 900-х гг.

В первых главах Вимпфен передает свои детские впечатления от Толстого, которого он видел, будучи 7—8-летним ребенком, в доме бабушки (Воейковой) и у своей матери. В юношеские годы он сам посещал Толстого. Эти посещения относятся к 1886—1887 гг. Далее следуют записи о встречах в 1895, 1899, 1901 гг. и, наконец, описание последнего посещения Толстого в 1909 г.

Все встречи с Толстым, о которых рассказывает Вимпфен, происходили в Москве в доме Толстого в Хамовниках.

Для своих воспоминаний Вимпфен пользовался сохранившимися у него записями, сделанными им во время или вскоре после бесед с Толстым. «Я записывал встречи с Толстым и его слова почти дословно», — пишет он. Действительно, на страницах воспоминаний Вимпфена мы находим ряд записей высказываний Толстого. Однако задача, которой ограничил себя Вимпфен — «правдиво рассказать, в чем имя Льва Николаевича и как именно имело увязку с событиями в нашей семье», — суживает и снижает интерес его мемуаров. Так, большое место отводится происходившим в семье Воейковых-Вимпфенов расприам имущественного характера. Толстой хорошо знал действующих лиц этой драмы и, по словам Вимпфена, проявлял к ней внимание.

Художник приводит несколько слышанных им от Толстого рассказов о членах семьи Воейковых и утверждает, что Толстой посоветовал ему описать события из жизни Воейковых. Вимпфен сделал это в повести под названием «Порабощенные». Эту повесть, — пишет Вимпфен, — Л. Н. прочел и «нашел интересной». В печати повесть не появлялась, и дальнейшая судьба рукописи не известна. Не дошла до нас и другая повесть Вимпфена на ту же тему, более позднего происхождения, также посылаяшая Толстому.

Вимпфен не только бывал у Толстого, но и переписывался с ним. Его письма к Толстому хранятся в Архиве Толстого в Москве, ответы Толстого напечатаны в Юбилейном издании (тг. 76, 80, стр. по указателю). Толстой посылал Вимпфену свои сочинения религиозного содержания (по словам Вимпфена, эти книги не сохранились) и фотографические карточки (теперь в Архиве Толстого). Вимпфен делился с Толстым и своими исканиями смысла жизни и религиозными сомнениями.

Воспоминания Вимпфена печатаются в отрывках. Отобраны записи, содержащие высказывания Толстого о его собственных произведениях: «Народных рассказах», «Власти тьмы», «Ание Карениной»; о появлении пасквиля на «Воскресение» под названием «Понедельник графа Худого» и об отношении к этому Толстого; отзывы Толстого о Горьком, Репине и др.

Мемуары Вимпфена не отличаются особыми литературными достоинствами, но язык их не лишен некоторой образности, в чем сказалась профессия автора. Он дает ряд портретов Толстого, зарисовок окружающей его обстановки, вид его комнаты и т. п.

Публикуемые отрывки расположены в хронологическом порядке событий, изображаемых Вимпфеном. Первым мы помещаем отрывок о «Народных рассказах» Толстого. Эпизод извлечен Вимпфеном из записей М. С. Воейковой, очевидно, не включенных ею в воспоминания, которые мы печатаем.

Воспоминания П. Ф. Вимпфена печатаются по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, (ф 508, оп. 1, ед. хр. 247).

ТОЛСТОЙ

Фотография 1892 г. с дарственной надписью П. Ф. Вимпфену: «Лев Толстой 20 янв. 1907»
Справа помета неустановленного лица, подтверждающая принадлежность фотографии Вимпфену

Архив Толстого, Москва

ВОСПОМИНАНИЯ М. С. ВОЕЙКОВОЙ

1840—1860-е гг.

Ергольская и Юшкова, мои приятельницы, привозили Л. Н. с собой к нам в дом на Малую Дмитровку; когда он у нас бывал, — было весело. Он был так остроумен, так находчив, что в его присутствии делалось весело, легко, и это было потому, что он был очень прямодушен, что думал и считал за правду, — высказывал всегда и притом с такою простотой и меткостью. У него это выходило экспромтно, но, очевидно, все бывало заранее обдуманно, и имелось составленное мнение. При случае же он высказывал, что думал, не считаясь с тем, какое впечатление произведут его слова на собеседника, хотя любил «казаться умным» и чтобы его умом восхищались. А так как он был на самом деле так умен, то, разумеется, имел все права рассчитывать на то, что называется admiration*. Происходило это как-то невольно, само собою. Правду, как он ее понимал, он без стеснения высказывал, хотя эта правда в обществе шла часто в разрез с тем, что признавалось и принималось обществом, но мы прощали молодому графу Толстому его смелость и особенно, когда он бывало «отольет пулю».

Вот, например, что произошло на моей памяти, кажется, с молодым А. Араповым. У него зашел разговор с ним об освобождении в нашем присутствии. Кажется, это было в год или на другой освобождения крестьян. Толстой возразил Арапову, что, по его мнению, освобождение не имеет смысла никакого, такое, каким оно преподнесено, что «кандалы только ослаблены».

— А что вы хотите, — сказал Арапов, — быть может, чтобы вашему народу дали такую свободу, какую он не поймет никогда, не только наяву, а даже во сне?..

— Но я, кажется, ничего не сказал такого, чтобы из моих слов вывести столь оригинальное заключение, — возразил граф Толстой. — Уж если хотите, на ваши слова могу ответить: вы напрасно считаете наш народ таким отсталым и дикарем, что он не поймет и не различит настоящей свободы от бутафорной... и не сумеет воспользоваться, потому что, поверьте, народ понимает свое положение, жизнь и свободу не хуже нас с вами. Однако и то правда, что во сне, как вы, так я, и он — народ — более свободны. А когда народ почувствует свободу наяву, — вопрос? И в том виноват не народ, а мы, что до сих пор держим его в состоянии рабства.

Арапов что-то возразил, не помню хорошенько что. Толстой отчеканил:

— Ну и увидите, не пройдет пятьдесят лет, как тот народ, которого вы считаете тупым и отсталым, покажет себя.

— Тем хуже, в конце концов, для нас с вами, — возразил Арапов.

— А вот с этим я совершенно согласен! — подхватил Толстой, улыбаясь улыбкой победителя, и добавил: — мы договорились!

Потом, обращаясь к присутствовавшим, сказал:

— А что вы скажете? Может быть, согласны с Monsieur Араповым?

Я переглянулась с графиней Толстой, с которой сидела рядом. Разумеется, поняв друг друга, мы промолчали, потому что неловко было «затискивать в мешок» и без того жалкого Арапова.

Другой случай мне вспоминается такой: был бал у Новосильцевых. На бале было много московских красавиц, была и Россет, которой молодой граф Толстой идеально увлекался. Молодежь танцевала и веселилась. Моя дочь Любенька, недавно сделанная фрейлиной, одно время увлекалась

* восхищение (франц.).

уже известным писателем Толстым. В первой паре полонеза шла моя дочь с великим князем Александром. Россет танцевала с гр. Толстым. Во вторую пару они поменялись, и вот как: моя дочь знала, что «Léon le grand», как в нашем интимном кружке его называли, интересуется, даже увлекается Россет. Великий князь подошел к гр. Толстому и сказал:

— Граф, дама ваша будет моей, n'est ce pas? *

— Хорошо, — отвечал граф Толстой, — только с условием, чтобы ваша была моей!..

Нам понравился такой каламбур, но дочь моя, которая всегда отличалась находчивостью, сказала:

— Легкомыслие ваше — легкомыслие наше! — И протянула руку Льву Николаевичу, который пошел с нею, а великий князь с Россет, которой, кажется, было решительно все равно с кем.

* * *

Помню, что уже тогда кто-то из придворных (Тучков Пав. Ал. или Закревский — один из этих двух) подстрекнули сказать о Толстом государю Александру II. Мой муж Петр Петрович¹ знал об этом через Толстых и на аудиенции у императора сказал:

— Ваше величество! Молодой граф Толстой пылкий, увлекающийся, но он не злоумышленник, каким хотят его изобразить.

Александр II, который знал моего мужа и помнил, как наследником обучался верховой езде у Воейкова, когда ездил в его взводе, ответил:

— Знаю, знаю... большой талант, а таланту можно простить... даже если бы..., — государь не договорил, что «если бы», и сказал, — если его увидишь, скажи ему, чтобы он остерегался не меня, а окружающих...

Правда, что при таком темпераменте, каким обладал молодой граф Толстой, не было нисколько удивительно, что он «попадал», но, кажется, он-то совершенно искренно мало или вовсе не интересовался и не заботился о том, сколько «грехов» его снесут, куда и кому?..

Толстой был правдив, прямодушен, упрям и заносчив в молодые годы свой, но обладал замечательной искренностью и честностью в поступках. Он был стоек и тверд в убеждениях, которым никогда не изменял. Граф Л. Н. Т. был чувствителен, впечатлителен, краснел иногда от застенчивости, но в то же время он был очень резок.

В нашем флигеле, на Малой Дмитровке, в Успенском переулке, жил одно время граф Соллогуб, автор «Тарантаса», который часто заходил к нам. Как-то зашел разговор о том, что «авторское самолюбие» есть у каждого писателя. Соллогуб сказал, что ему лично это чувство чуждо.

Гагарин, иллюстрировавший «Тарантас», заметил, что если это бывает, то большая редкость и огромное достоинство.

— Н-никакого! — резко возразил гр. Л. Н., — потому что авторское самолюбие, если на него есть право, и должно быть. Скажите, пожалуйста, покажите мне их, этих смиренных паче гордости? Где они?

— Да вот хотя бы первый — вы, граф, — сказал князь Гагарин, указав на гр. Соллогуба.

— Не поверю, — отвечал Толстой, — во-первых, уже потому, что знаю, как графу было приятно получить свой «Тарантас» с вашей иллюстрацией, князь. Сознаться, граф, вам это было приятно во всяком случае? И позвольте вас спросить, как вы назовете, что это такое, как не результат польщенного авторского самолюбия? Возразите что-нибудь?

— Ничего я вам не возражу, — ответил Соллогуб мягко. — Различно смотрят в этих случаях. Мое авторское самолюбие в этом случае, конечно, не пострадало, наоборот — не скрою: мне было приятно. Назовите как

* не правда ли? (франц.).

хотите это чувство, я уже сказал, что чувство авторского самолюбия мне не присуще.

— Однако, если бы на ваш «Тарантас» вместо прекрасной иллюстрации изобразили бы карикатуру и высмеяли бы его, вы не остались бы польщены, как теперь?..

— Так или иначе, — сказал Соллогуб, — авторское самолюбие не увиливает от критики, а до некоторой степени подчиняет себя ей.

— Вздор! Ерунда! — возразил гр. Толстой. — Вы меня извините, но я не понимаю, к чему вся эта мистификация ощущений?

Наш знакомый Давыдов, присутствовавший при этом разговоре и вмешавшийся в него, сказал:

— По-моему, «авторское самолюбие» бывает двойное: у одних на него есть право, как сейчас сказал граф, это прерогатив таланта по его существу, а мелкое тщеславное самолюбие — совсем другое, удел ничтожеств, мыслящих о себе высоко. Талант скромн, поэтому не выставляет напоказ свое «самолюбие». Вот как у вас, граф, — обратился он в сторону Соллогуба. — Именно у вас, — еще раз подчеркнул он.

Граф Толстой при этих словах густо покраснел, однако больше не возражал, чего мы ожидали, что он сделает. Он, казалось нам, не желал больше вести дебат на тему «авторского самолюбия» или же был согласен с Давыдовым, хотя остался недоволен словами последнего. И так было всегда, когда с ним в чем-нибудь не соглашались: он становился «на дыбы» или упорно молчал, красноречиво молчал, как бы желая сказать: «Как вы хотите, я не изменю своего мнения!».

Кто-то из наших знакомых выразился о Толстом очень метко: «Толстого можно изобразить в красках, но гений его останется недоступен».

* * *

13 октября в двенадцать часов дня 1861 г. в Москве произошло весьма печальное событие: избиение студентов Московского университета на улицах Москвы, которое я подробно описала в записках моих под названием «Семейная хроника». Я только что возвратилась из Субботино (имение Петра Петровича Воейкова). Первая сообщила Петру Петровичу об этом Анона Березникова. Она вбежала в кабинет Петра Петровича со словами: «Cher oncle, sur la Tverskoy, vous ne pouvez pas vous figurer ce qui est arrivé. La police et les gendarmes attrapent les étudiants et les battent»*.

Петр Петрович вскочил, оделся и пошел пешком на Тверскую площадь. Глазам его представилось действительно ужасное зрелище. Полиция и жандармы били студентов, разгоняя их нагайками. Вот об этой-то истории, наделавшей столько шуму и возбудившей почти все общество против действий генерал-губернатора Павла Алексеевича Тучкова, инициатора побоища, говорили во всех кругах общества очень много, и возмущение долгое время не могло стихнуть. Как-то у нас был вечер. Было несколько человек из близкого нам кружка. Между ними были: наш родственник князь Валерьян Голицын, бывший декабрист², и молодой еще Петр Кропоткин. Был Безобразов³, Голохвастов⁴ и студент Раевский⁵, подававший от имени студентов Московского университета Петру Петровичу Воейкову докладную записку для передачи ее государю на высочайшее благоусмотрение с жалобой на действия правительства и с описанием подробным вышеозначенного инцидента избиения студентов. На другой же день после принятия доклада студента Раевского и студентов Московского университета Воейков поехал к Тучкову для личных с ним объяснений и на вопрос: «Что же вы намерены делать?» — ответил:

* Дорогой дядюшка, вы не можете себе представить, что произошло на Тверской. Полиция и жандармы хватают студентов и избивают их (франц.).

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
ТОЛСТОГО НА КНИГЕ
«КРУГ ЧТЕНИЯ» (ОДЕССА, 1910):

«Александр Соловьеву в знак уважения и любви. Лев Толстой 25 февраля 1910»

Институт русской литературы АН
СССР, Ленинград.

— Передать бумагу министру.

Тучков опустил глаза и не произнес ни слова. После некоторого молчания он взял со стола из кипы бумаг, лежавших перед ним, одну бумагу и, подавая ее Воейкову, сказал:

— Московские дамы принимают большое участие в студентах и развозят по различным городским частям и привозят студентам папиросы и разные кушанья. Вот имя одной из них, о которой я получил донесение.

В бумаге стояло имя родной моей сестры Любови Стефановны Бороздны⁶. Бороздна действительно всегда покровительствовала учащейся молодежи. Она находилась во время погрома студентов в Москве и сама отвозила в Сретенскую часть, где был дом, который она занимала, арестованным студентам полные корзины икры, сыра, хлеба и папирос. Указание Тучковым именно на мою сестру, когда почти все дамы общества делали то же самое, было не что иное, как угроза и вызов.

На упомянутом вечере у нас присутствовал и граф Лев Николаевич Толстой.

Князь Кропоткин очень горячился и высказывался резко, хотя и был годами моложе других. Голицын молчал, а Раевский сказал, видимо, с трудом сдерживая порыв негодования:

— Как нас обезличили! Когда Исаков (попечитель университета) не удостоил даже прочесть наше обращение, а Филарет (митрополит) не принял нас как бунтовщиков, чего еще хотите? Вот нас принял и выслушал один Петр Петрович.

Граф Л. Н. Толстой заметил, что Валерьян Голицын молчит. Может быть, это его удивляло, и он желал выяснить, что означало это молчание. Он обратился к Голицыну и сказал:

— Prince, est il possible que toute cette histoire ne vous engage a s'avouer vos...*

* Князь, возможно ли, чтобы вся эта история не заставила вас признать себя... (франц.).

Он не успел договорить, как Голицын его перебил:

— Ну да... я и считаю молчанье золотом, граф! Кажется, достаточно все высказались?.. Мой голос, если уже не слушают голос большинства, будет гласом, вопиющим в пустыне.

— Подождем, что скажет Петербург.

— Вот еще что! Так вы никак ждете еще оттуда «амнистий»? — крикнул молодой кн. Кропоткин. — *C'est bien ridicule* *, старцам не простибельно, а мы, молодые, уже научились разбираться и разочарованы в том, будто идут навстречу народу. Я раньше тоже думал, что реформа освобождения — для народа, теперь сомневаюсь.

Он взглянул на П. П. Воейкова, который молчал, бросая взгляды то на гр. Л. Н. Толстого, то на Валерьяна Голицына. Кропоткину граф Толстой сказал:

— Я с вами согласен.

Потом, обращаясь к Голицыну, Лев Николаевич высказал мысль, что Петр Петрович Воейков, может быть, разделяет его взгляд «молчания».

— Не скажу этого, — возразил Воейков. — Вот на днях я еду в Петербург, и тогда сам доложу обо всем государю. Министру я передал бумагу от студентов Московского университета. Только этого недостаточно. Я буду иметь случай сам осветить инцидент в глазах его величества как живой свидетель этого печального происшествия.

— Вас опередит Тучков, — заметил гр. Л. Н. Толстой. — Впрочем дело не в том. Суть в том, чтобы о таких случаях не молчать, а кричать.

— И кричите! — крикнул Кропоткин раздраженно, — вам рот зажмут, как зажали на собрании. Вот П. П. Воейков это знает и подтвердит. Его в комитете как прижали министры и эти члены Совета — *ces propriétaires en masse* **. Подите-ка потолкуйте с ними!

— А все-таки позвольте заметить, — сказал студент Раевский, — Петр Петрович не промолчал.

— Он не молчал... да, — сказал Валерьян Голицын, — а к чему это привело? Извините, Петр Петрович, — продолжал он, обращаясь к Воейкову, — если позволю себе высказаться, чтобы граф Л. Н. не объяснил наше молчание малодушием. Мы декабристы, и молчать нам не к лицу, но все же может закрасться сомнение. Даже ведь вам, Петр Петрович, было поставлено на вид (государем), что Москва — ни первая, ни вторая, ни даже третья — не отозвалась на его призыв (манифест). Ведь это насколько не секрет! И сколько вам стоило усилий, чтобы убедить его и чтобы, наконец, получить амнистию для московских дворян? Петр Петрович, этим я хочу сказать, что один в поле не воин.

— Что ж, — сказал граф Л. Н. Толстой, — зато Петр Петрович исполнил долг и может быть спокоен.

— Совесть моя — да, — сказал Воейков, — но долг, как я его понимаю, его я еще не исполнил до конца.

Воейков подразумевал, что тот проект, который им был предложен, касающийся реформы и имевший целью реально улучшить положение крестьян землею, не был принят большинством дворян и одобрен; напротив, он вызвал протест и осуждение в *вольномудстве* и даже якобы в «политической неблагонадежности».

— Это во всяком случае зависело и зависит не от вас, — сказал гр. Л. Н. Толстой. — Вы сделали главное: вы поступили по совести.

Вскоре события доказали, что гр. Л. Н. точно предугадал относительно Тучкова, который действительно поспешил опередить Воейкова и написал его «красным» в Петербурге. Это была месть за «студенческую историю», в которой Воейков сыграл роль «неблагонадежного».

* Это очень смешно (франц.).

** сплошь землевладельцы (франц.).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ П. Ф. ВИМПФЕНА

1886

А. В. ДМОХОВСКАЯ.
ИСТОРИЯ С «ЛЕТУЧИМИ ЛИСТКАМИ».
Л. Н. ТОЛСТОЙ И М. С. ВОЕЙКОВА,
ОБЪЯСНЕНИЯ МЕЖДУ НИМИ

Ан. Вас. Дмоховская⁷ была восторженная поклонница Л. Н. Толстого. Она могла забыть все на свете и совершенно необдуманно, в силу увлечения перескочить всяческие препятствия <...> Отдавшись однажды такому порыву увлечения, забыв про дружбу к Воейковым, она совершила поступок, который мог разрушить ее 30-летнюю дружбу с Воейковой и Бороздной, поставив бабушку Воейкову Марию Стефановну в очень неловкое и двусмысленное положение перед Львом Николаевичем Толстым. Дело заключалось в следующем. Анастасия Васильевна была крепко глуха <...> При беседах интимного характера в разговоре с бабушками употреблялась бумага («летучие листки»), на которой писали для Дмоховской, а она, прочтя, отвечала устно <...>

Много таких листков, разбросанных по столу после интимной переписки, лежали в беспорядке, позабытые. В них запечатлелся целиком почти весь разговор бабушки Воейковой с Дмоховской по поводу сочинений Толстого, его рассказов для народа. В ответах и вопросах бабушки, которые она писала, выявлялось, каковы ее взгляды на многие из этих рассказов Толстого <...> В одном листе стояла, например, такая фраза: «Толстой после „Войны и мира“, „Анны Карениной“ ушел от нас, может быть, навсегда. Сделавшись учителем народным, он проникнут стремлением оторвать от себя часть своей души, чтобы облагородить чувства этого народа, но он забывает, что учить народ, взяв примеры „из его быта“, риск большой <...>».

Несколько подобных листов попали в карман А. В. Дмоховской и были прочитаны у Толстых в их доме <...>*

Впоследствии вот что я прочел в записках бабушки, какое у нее было объяснение с Толстым <...>

«Сегодня вечер, был у нас Л. Н. и спросил, есть ли у нас 13 том его сочинений (народные рассказы), читала ли я их?

Взглянув на Толстого, я сразу поняла вопрос, но сделав вид равнодушной, сказала:

— Прочла. Я и моя дочь. Ан. Вас. привезла, и мы читали вместе.

— Какое ваше мнение о них?— спросил Толстой.

— Они прекрасны, как все, что вами написано.

— Вы уклончивы. Вы не все договариваете,— произнес Л. Н.,— почему вы не скажете прямо?

— Я говорю, что думаю. Я всегда говорю, что думаю и не иначе.

— И все-таки не досказываете.

Я пристально взглянула на Толстого.

— Если вам что-нибудь передавала А. В. Дмоховская,— ответила я,— то не вам, а мне приходится вас спросить, что она вам говорила?

Толстой сделал нетерпеливый жест. Мне показалось — ему было неловко от такого вопроса. Постановка вопроса указывала на то, что мне все известно. Но откуда? Как? Л. Н., помолчав, сказал:

— Мне не хотелось бы входить в подробности, я бы желал их избегать. Знаю одно: вы осуждаете в принципе мои „народные рассказы“. Зачем их я пишу, и почему не пишу романы вроде „Анны Карениной“.

* Далее опускаем подробный рассказ Вимпфена о том, как это стало известно Воейковой, которую А. В. Дмоховская ни о чем не предупредила.— *Ред.*

На это ответу вам: меня гораздо больше занимает жизнь народа, как и чем он живет, „чем люди живы“, нежели темы прошлого. Искать надо правду, основу веры, т. е. понимания смысла жизни, и искать все это надо в народе. Вот почему я пишу рассказы, которые вам так не нравятся.

1886

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ»

В ту же зиму мой знакомый просил меня передать Толстому статью «Биконсфильд и социализм».

Как сейчас помню, был вечер. Горели огни, когда я вошел в Хамовнический дом Толстого и в передней ждал. Он был наверху. У него собралось много гостей. Вижу перед глазами Толстого, спускающегося с лестницы, уставленной растениями и устланной ковром. Он сходит медленно поступью, с набросанным на плечи синим халатом поверх рубашки-блузы, обутий в башмаки с завязочками на шнурках, беззвучно ступая по мягким ступеням. На голове волосы в беспорядке, кажутся растрепанными. В этот раз он мне напоминает того Толстого, которого изобразил Крамской, только много старше. Спустившись и поздоровавшись, он меня попросил пройти с ним в комнату направо от входа через парадную дверь, в стене которой тогда существовала дверь из передней. Когда мы вошли, на столе горела лампа под зеленым абажуром и лежала развернутая книга Шекспира с костяным ножом для разреза. Круглый красного дерева стол, несколько венских стульев кругом, к стене шкаф с книгами, с одной стороны стола — полукруглый диванчик, у одной из стен — кровать простая, железная, покрытая байковым одеялом, с одной на ней подушкой, — вот все, что помещалось в этой комнате в 1886 году.

Мы сели у стола.

— Сегодня у меня много народу, — сказал Л. Н., — и болит голова.

В руках у него я заметил сверток.

— Я прочел вашу рукопись «Биконсфильд». Ну разве так пишут! Ноет, воеет из своей каморки. Если уж писать, так надо говорить о том, что делать, а не только ныть и тыкать, указывая, что у нас плохого. Вот ваша рукопись! — И он протянул в трубку свернутую статью.

— Отдайте автору и можете прямо сказать, что, по-моему, он *ничего* не сказал.

Мне сделалось неловко. Я чувствовал досаду на то, что взялся за дело, за которое лучше бы не браться. Л. Н. моментально уловил это.

— Все бывает, — сказал он, — и первая неудача ведет иногда к полной удаче потом. Мысль, которую проводишь, когда пишешь, ее должно четко округлить. Надо, чтобы она действовала на того, кто читает. Короче, сильнее, убедительнее писать, не заботиться о форме и слоге. Это второе.

— А я хотел вас просить, Лев Николаевич, меня просили... — нерешительным тоном начал я.

— Говорите короче, в чем дело?

— Меня просят вас попросить сказать несколько слов о Вронском. Нам видете ли в гимназии задана тема для сочинения: «Вронский — характеристика», и мы не справимся. Никто не схватывает характерную черту этого героя и не умеет дать надлежащую характеристику. Написали несколько сочинений, и никуда не годятся.

— Да и незачем было писать. Я сам все уже позабыл, что там написал, ответил Л. Н. — Удивляюсь! На что все это понадобилось: разбирать Вронского и вообще «Анну Каренину»? Пусть бы лучше разбирали «Власть тьмы».

Так ничего я и не добился от Толстого в этот раз.

1899 г. Год, кажется, в который в «Ниве» появился роман «Воскресение»

РОМАН «ВОСКРЕСЕНИЕ».
«ПОНЕДЕЛЬНИК ГРАФА ХУДОГО».
СОВЕТ ТОЛСТОГО ПО СЕМЕЙНОМУ ВОПРОСУ

Зимний вечер. Дом Толстого в Хамовниках освещен. Вхожу в переднюю. Там суетятся лакеи во фраках. Прошу доложить Л. Н. о себе. Сначала ответ такой: «Граф Л. Н. не так здоровы. Они сегодня не принимают!»

ТОЛСТОЙ

Рисунок И. Е. Репина, 1891 г.

Музей Толстого, Москва

Настаиваю на том, чтобы обо мне доложили, заметив по манере служителей, что говорят неправду. Через несколько минут ответ: «Лев Николаевич просят вас наверх, только их нельзя долго утруждать разговором: они не так здоровы». Буквально так!

Л. Н. в это время действительно был не совсем здоров. Было это в год, когда он приезжал из Ясной Поляны. Болезнь значительно, впрочем, преувеличивалась. Помню, что им только что был написан роман «Воскресение» и что кто-то занес мне брошюру под заглавием «Понедельник графа

Худого», что герой этого романа был переделан из Нехлюдова в Простудова, а Катюша Маслова — в Чухонскую. Пошленькая пасквиль, совсем не остроумная, ходившая по рукам и, как это водится, вызвавшая праздные перешептывания и пересуды, иногда переходившие в комариный концерт или жужжание майских жуков. Под впечатлением только что прочитанного романа «Воскресение» я пошел в Хамовники. Слышавшие и передававшие о болезни Толстого относили ее и ее истинную причину (припадки болезни печени) к тому факту, будто на него неблагоприятно подействовала эта книжка, написанная на его роман «Воскресение» и что поэтому вряд ли меня к нему допустят, что Софья Андреевна, на которую обычно падали все беды и обвинения даже там, где она нисколько не могла быть виновницею, теперь ревниво оберегает покой мужа, и что сам Толстой вовсе не в том настроении, чтобы принимать посетителей. Находятся много таких, которые специально под различными предлогами являются к нему «проверять», какое действие на него, Толстого, производит критика врое автора упомянутого романа графа Худого.

Я, поднявшись наверх в зал бельэтажа, ждал Льва Николаевича недолго. Он показался, входя в зал через дверь, ведущую в его кабинет наверх, через так называемые «катакомбы». На нем была синего цвета холщовая рубашка-блуза. На ногах надеты туфли, одна рука засована за поясремень. Войдя в зал совершенно бодрый, он подошел ко мне, протянул руку и сказал:

— Сядемте. Что-то долго вас не было видно?

И сам тут же сел у овального стола против меня, близ рояля. Я заговорил, осведомившись о его здоровье. На лице Л. Н. не отражалась болезнь, а также признаков того, что он не в духе. Напротив, он казался спокоен и несколько «величествен», что чувствовалось в том, как он себя держал, и в интонации голоса: я очень привык различать их и судить по ним, в каком настроении Лев Николаевич. Когда заговорили о романе «Воскресение», Толстой не намекнул ни словом, ни взглядом о тех «интригах», которые были рассеяны. Так и должно было ожидать. А когда я заговорил о его здоровье, он сделал движение плечами и произнес:

— Совершеннейший вздор! Я не болен. Раздуто все. И все мне очень надоело. Надо изменить все, все до основания, в самом корне. Больше писать не придется ни о Нехлюдове, ни о Корчагиных. Если уж говорить и писать... — он сделал паузу и посмотрел вперед себя, как будто глядел в глубь необъятного пространства, в беспредельную даль.

— А ведь, пожалуй, не доберутся до того, о чем я хотел бы написать в последний раз, — произнес Толстой.

Я посмотрел на Л. Н. в полном молчании. В своей обычной спокойной позе философа, каким его изобразил Репин, сидел Толстой. Из-под густых, нависших бровей сверкали при ламповом освещении два огненных, пронзающих, блестящих, как солнечный луч, глаза. Покойный, очень покойный склад губ, видневшийся из-за спустившихся усов и бороды, волнами облегшей грудь и шею, действовал приятно своею твердою и одновременно мягкою складкою; но выражение нижней части лица, где покоилась такая мягкость, мало гармонировало с остротою взгляда серых глаз. Однако решительно привлекательный ensemble давал ту характерную черту в лице Толстого, которая ни в молодости, ни в зрелости и ни в старости не покидала его <...>

1901

Прихожу к Л. Н. как-то за советом по «семейному» вопросу.

— Сын, говорю, подрастает. Надо думать о его образовании. Художественный труд дает мало <...> Я не служу <...> Мать сердита за же-

нитьбу, а жена говорит: «Ты должен позаботиться, у тебя растет сын» <...> Вот я хочу подать заявление в Дворянское депутатское собрание. Что вы скажете мне на это, Лев Николаевич?

Толстой сдвинул брови, значительно молчал, потом проговорил:

— Понимаю. Мать вашу трудно убедить, и трудно вам добиться от нее чего хочет ваша жена.

Вместо ответа я вынул из кармана бумагу и, подавая Толстому сказал:

— Вот прочтите, Лев Николаевич.

Взял, внимательно прочел, что было написано, и говорит:

— Вы отлично сделали, указав на возмутительные действия правительства 4 марта и на избивание студентов казаками у Исаакиевского собора*. Это мне напомнило 1861 год, когда на московских улицах произошло такое же избивание студенчества и когда один ваш дед Петр Петрович Воейков принял от них петицию. Но от этого ваше дело в своем основании успеха иметь не будет <...>

В другой раз забредаю вечером к Льву Николаевичу Толстому. На этот раз показать свои работы акварелью, и беседуем с ним об искусстве. Ему особенно нравился мой «Крестьянский мальчик в поле», пифферари* и «Крестьянская семья в избе».

— У вас превосходная техника. Примените ее к новым жизненным сюжетам. В деревне вы найдете большой материал для этого. Знакомы ли вы с художником Орловым?

— Я знаю его сына.

— Пишите, как пишет Орлов. Он реально и правдиво изображает жизнь народа в деревне... и все, чем «болеет» она, все притеснения, которые она терпит...

У Льва Николаевича сидел Репин, которому он показал мои работы. Известно, что Репин написал с Толстого портрет, изображающий Л. Н. сидящим в кресле с раскрытой книгой в руке. Мне однажды пришлось видеть в доме Толстого в столовой точь-в-точь такой портрет. Я был уверен, что перед моими глазами подлинник работы Репина. Оказалось, портрет была превосходная копия и, если не ошибаюсь, кисти Татьяны Львовны Толстой.

Разговор зашел, кем-то из присутствующих поднятый, про Алексея Максимовича Горького. Толстой меня спросил, знаком ли я с Горьким.

— Нет, — ответил я, — и, помнится, сказал так: — я сожалею, что не пришлось ни разу с ним встретиться.

— Вы бы сошлись.

— Почему вы так думаете?

— А потому, что у вас жилка, которая должна ему в вас понравиться.

— Именно?

— Вы не столько народник, сколько естественно, «по природе» кусочки этого народа, и влюблены в него.

— В кого это? В Алексея Максимовича?

— Ну и в него, т. е. в его писания, — и в народ.

— Я сказал, в народ.

Тут был и Репин, как я уже сказал. Но он не слышал ничего, о чем мы говорим, занятый разговором с Егором Ивановичем Поповым, художником-академиком, моим другом и учителем по живописи.

Толстой сказал, когда Репин вошел:

— Вот еще человек, имеющий с Горьким общее.

Я сказал:

— Да, я нахожу между ними внутреннее сходство.

— А как вы думаете, в чем именно оно заключается?

Я замешкался в ответе.

* Пифферари — бродячие музыканты в Италии, преимущественно пастухи. — Ред.

— Тут нечего думать, — резко сказал Толстой. — Разве они не плоть и кровь народа? Вот им и хорошо. Вот они и веселы, и понимают отлично друг друга. И работают заодно. И в глазах Л. Н. метнула искра, та особенность взгляда, которая, как молния, сверкнет, обожжет, как огонь. Во взгляде этом Толстого выразилось нечто глубоко-глубоко запечатленное внутри, остающееся неразрешенным, неосвобожденным.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Петр Петрович *Воейков* (1802—1871) — московский предводитель дворянства (1856—1862), муж М. С. Воейковой.

² Очевидно, Воейкова называет Валерьяна Голицына по ошибке. Валерьян Михайлович Голицын умер в 1859 г.

³ Владимир Павлович *Безобразов* (1828—1889) — географ и экономист, преподаватель политической экономии, противник крепостничества, сторонник буржуазных реформ. В период подготовки реформ был одним из организаторов политико-экономического комитета Русского географического общества. В записных книжках и дневниках Толстого 1855—1856 гг. несколько раз встречается имя Безобразова: в записи от 15 ноября 1856 г. упоминается «собрание литераторов и ученых» у Безобразова, на котором присутствовал Толстой; в записи от 27 декабря 1856 г. — «вечер у Безобразова» и т. д.

⁴ По-видимому, один из сыновей Д. П. Голохвастова, двоюродного брата Герцена, — Дмитрий Дмитриевич (ум. 1890), земский деятель, или Павел Дмитриевич (1838—1892), историк, писатель, изучавший древнерусскую историю, литературу и народное творчество. Для точного комментария дневники Толстого этих лет не дают материала. Судя по письмам и дневникам Толстого последующих лет, более близкое знакомство у него было с П. Д. Голохвастовым. Они часто встречались. Толстой сочувствовал переделке Голохвастовым былили для книг народного чтения (см. т. 62, с. 3, 18—19, 21—22, 79—80, 114).

⁵ Николай Николаевич *Раевский* (1839—1876) — студент физико-математического факультета Московского университета (1858—1862); в 1861 г. активный участник студенческих волнений. В 1863 г. поступил на военную службу. Принимал участие в Герцоговском восстании и был убит в сражении под Алексинацем.

⁶ Любовь Степановна *Бороздна*, рожд. Стромилова (1813—1894) — художница-акварелистка, ученица В. А. Тропинина и К. П. Брюллова. Этюды и акварели ее хранятся в Отделе рисунков Гос. Третьяковской галереи.

⁷ Анастасия Васильевна *Дмоховская* (рожд. Воронец) — знакомая Толстого, мать революционера из кружка «долгушинцев» Льва Адольфовича Дмоховского, умершего в иркутской тюрьме в 1881 г.

⁸ Речь идет о студенческой демонстрации у Казанского (а не Исаакиевского) собора в Петербурге 4 марта 1901 г., вызванной опубликованием «Временных правил об отдаче студентов в солдаты за учинение скопом беспорядков в учебных заведениях или вне оных».